

УДК 316.353

В. М. Барсегян**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
МОЛОДЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ –
РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД**

Осуществлен анализ человеческого капитала молодых общественно-политических деятелей в современном российском обществе. С опорой на методологию ресурсного подхода и методы современной статистики выделены три группы молодых общественно-политических деятелей – политические лидеры, политические активисты и общественные активисты, что позволяет наглядно показать значимую дифференциацию внутри изучаемой категории молодежи. Эмпирической базой послужили результаты социологического исследования среди участников Всероссийского молодежного форума «Селигер-2013» (N = 439) в формате онлайн-анкетирования.

153

This article analyses human capital of young public and political figures in modern Russian society. Based on the methodology of resource approach and the methods of modern statistics, the author identifies three groups of young public and political figures: political leaders, political activists, and social activists, which makes it possible to demonstrate differentiation within this category. The results of an online survey of the participants of the Seliger-2013 national youth forum (N = 439) served as the empirical basis of the study.

Ключевые слова: человеческий капитал, ресурсный подход, молодые политические активисты, политическое участие.

Key words: human capital, resource-based approach, the young political activists, political participation.

Измерение человеческого капитала – ресурсный подход.

Развитие ресурсного подхода можно рассматривать как ответ на кризис классических подходов к анализу социальной структуры общества. В связи с усложнением жизнеустройства общества вперед шагнула и социология. Сегодня уже мало указать место человека в системе эксплуатации (К. Маркс) или в системе статусных позиций, принадлежности к той или иной партии, доходной или профессиональной группе (М. Вебер), для того чтобы определить его реальное место в иерархической структуре общества.

В рамках ресурсного подхода в качестве стратификационных признаков выделяются различные капиталы (ресурсы, активы), которыми обладает индивид, и поэтому «подавляющая часть доходов основной массы населения... выступает по своему характеру рентой на активы, которыми они располагают» [6, с. 25]. Значительный вклад в разработку теории и метода ресурсного подхода внесли зарубежные исследователи П. Бурдьё, Д. Грусски и отечественные социологи О. Шкаратан, В. Радаев, Н. Тихонова [2; 4 – 9; 13].

П. Бурдьё ограничился описанием лишь трех основных видов капитала: экономического, культурного и социального [2; 10]. Более подробно виды капитала охарактеризованы в работе отечественного экономосоциолога В. Радаева, который выделяет восемь видов: экономический, физиологический, культурный, человеческий, социальный, административный, политический и символический [4]. И если П. Бурдьё подробно раскрывает только один вид капитала, описывая его в трех формах — «объективированной», «инкорпорированной» и «институционализированной», то В. Радаев описывает по этой схеме все восемь видов, что, несомненно, полезно всем социальным исследователям, проводящим эмпирические исследования с опорой на ресурсный подход.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и описании человеческого капитала, которым обладают молодые общественно-политические деятели. Объектом исследования стали молодые политические активисты в возрасте от 18 до 35 лет (участники Всероссийского форума «Селигер-2013») как социальная категория в современном российском обществе, а предметом — их человеческий капитал. В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи: 1) классифицировать политических активистов по уровню политической активности, разделив их на несколько групп по критерию проявления/не проявления того или иного типа политической активности; 2) в соответствии с проведенной группировкой выявить особенности, значимые различия между группами по уровню обладания человеческим капиталом.

Методы сбора данных и эмпирическая база.

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетирования участников политической смены Всероссийского молодежного форума «Селигер-2013», проходившей в сентябре — октябре 2013 г. (N = 439).

В качестве эмпирической базы для сравнения результатов использована база исследования, проведенного по аналогичной анкете Институтом социологии РАН «Бедность и бедные в современной России» (N = 1600) [1]. Сравнение проводилось с респондентами возрастной группы 18–35 лет (N = 594). Основные характеристики обеих выборок представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные характеристики выборки авторского исследования и исследования ИС РАН

Пол	Количество случаев				Возраст			
	Авторская выборка		ИС РАН		Авторская выборка		ИС РАН	
	чел.	%	чел.	%	Средний	Медиана	Средний	Медиана
Мужской	208	47,4	284	47,8	23,1	22	26,3	26
Женский	231	52,6	310	52,2	21,5	21	26,4	26
<i>Итого</i>	439	100	594	100	22,3	21	26,6	26

Метод сбора данных — онлайн-опрос через сеть Интернет (сервис Survey Monkey). В выборке представлены молодые люди из 74 регионов Российской Федерации.

В части выявления уровня политической активности вопросник составлен на основе анкеты, используемой в Многолетнем сравнительном исследовании изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы (ESS); в части выявления уровня человеческого капитала — на основе анкеты исследования «Бедность и бедные в современной России», проведенного Институтом социологии РАН в 2013 г. [1].

Методы анализа данных.

В процессе анализа использовались следующие методы: частотный анализ, тест хи-квадрат на независимость выборок, корреляционный анализ (Пирсона — для количественных нормально-распределенных переменных, Спирмена и/или Кенделла — для других); иерархический кластерный анализ, кластеризация К-средними; непараметрические тесты. Для проверки распределения переменных на «нормальность» применялся одновыборочный тест по методу Колмогорова — Смирнова. В целях проведения анализа использован пакет программного обеспечения IBM SPSS 19 версии.

Основные группы молодых общественно-политических деятелей.

Результаты кластерного анализа методом К-средних представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты кластерного анализа методом К-средних*

Вид политической активности	Кластер		
	1	2	3
Обращались ли Вы к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти?	0,37	0,68	0,85
Принимали участие в работе политической партии, группы, движения?	0,23	0,91	0,89
Принимали участие в работе какой-либо другой общественной организации или объединения?	0,81	0,95	0,95
Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации?	0,52	0,96	0,94
Подписывали петиции, обращения, открытые письма?	0,43	0,81	0,85
Принимали участие в разрешенных демонстрациях?	0,19	0,88	0,91
Бойкотировали, отказывались от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест?	0,12	0,00	1,00

* В таблице представлены конечные центры кластеров. Минимальный уровень значения конечных центров кластеров определен на уровне 0,5.

Политические активисты — это те, кто проявляет тот или иной вид политической активности. Уровень политической активности зависит от ее вида. Таким образом, максимальная политическая активность характеризует политических лидеров среди молодежи. Однако механическая трактовка уровня политической активности исходя из числа типов активностей, которые проявляют молодые люди, была бы ошибочной. Поэтому, основываясь на содержательном значении видов политической активности, мы выделили следующие группы (табл. 3).

Таблица 3

Группы молодых общественно-политических деятелей

Кластер (группа)	Количество, чел.	% в выборке
1. Политические лидеры	106	24,1
2. Политические активисты	202	46
3. Общественные активисты	131	29,8
<i>Итого</i>	439	100

156

Кластер 1. В этой группе преобладают респонденты, чья активность проявляется преимущественно в работе в рамках общественных организаций. Вместе с тем для них менее характерно проявление инициативы, выражающейся в непосредственном обращении к политикам, а также других видов активности. В связи с этим логично обозначить кластер (группу) как «*Общественные активисты*».

Кластер 2. Для второй группы активистов характерен почти полный спектр видов политической активности, кроме такой крайней формы, как бойкотирование. Однако наиболее ярко в этой группе проявляется так называемый активистский тип политической активности: ношение и вывешивание символики политических партий и общественных объединений, активная работа в самих организациях и т. д. При этом для данной группы менее свойственно непосредственное обращение к политикам, чем для представителей третьей группы. Таким образом, очевидно, что эти молодые люди формируют базу активистов-исполнителей, исходя из чего назовем кластер (группу) «*Политические активисты*».

Кластер 3. Для представителей данной группы наиболее свойственно обращаться к политикам лично; кроме того, лишь им присущ высочайший уровень активности в сферах крайнего проявления политического активизма (бойкотирование). В совокупности это говорит не только о высоком уровне политической активности, но и о том, что данные люди встречаются с политиками, обсуждают вопросы, пытаются наладить политические связи.

В сфере политического активизма именно встречи с представителями власти являются одним из действенных способов решения конкретных проблем. Кроме того, факт обращения к политикам свидетельствует о том, что респондент может обладать некими представительскими функциями, выступать от имени множества людей, быть лидером. В связи со всем вышесказанным считаем возможным наименовать данный кластер (группу) «*Политические лидеры*».

Поскольку у нас выделилась группа общественных активистов, необходимо сделать оговорку об используемых далее терминах. Всю совокупность нашей выборки в дальнейшем мы будем называть «молодые общественно-политические деятели», а для конкретных групп из этой совокупности использовать принятые выше наименования.

Половозрастной состав групп.

Далее мы осуществили анализ групп молодых общественно-политических деятелей по половозрастному составу. Распределение респондентов по возрастным группам следующее: 18–22 года – 64,5%, 23–27 лет – 25,1%, 28–35 лет – 10,4%. В выборке преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет включительно. Таким образом, основная доля молодежи в выборке принадлежит к «младшему» молодежному возрасту. Более подробно половозрастное распределение по трем группам представлено ниже в таблице 4.

Таблица 4

**Половозрастной состав групп
молодых общественно-политических деятелей, %**

Группа деятелей	Возрастная группа						Итого		
	18–22 года		23–27 лет		28–35 лет		М	Ж	Σ
	М	Ж	М	Ж	М	Ж			
Политические лидеры	52,6	47,4	63,2	36,8	92,9	7,1	61,5	38,5	100,0
Политические активисты	40,7	59,3	60,9	39,1	61,9	38,1	48,1	51,9	100,0
Общественные активисты	31,5	68,5	38,5	61,5	72,7	27,3	35,9	64,1	100,0
<i>Итого</i>	39,6	60,4	56,4	43,6	73,9	26,1	47,4	52,6	100,0

Группы по возрасту и полу различаются значимо ($p < 0,0001$).

Уровень политической активности положительно коррелирует с возрастом респондента. Наиболее активная политическая позиция свойственна мужчинам, и чем старше мужчина, тем выше его шанс оказаться в группе политических лидеров.

Для женщин более характерна общественная активность. С возрастом эта активность снижается: либо переходит в плоскость собственно политики, либо женщины уходят из публичной сферы.

Человеческий капитал.

1. Образование.

Результаты анализа уровня образования представителей разных групп общественно-политического активизма (табл. 5) показали, что людей с высшим образованием больше всего в группе «Политические лидеры» – более половины группы. При этом непараметрический тест показал значимые различия в уровне образования только между группами «Политические лидеры» и «Политические активисты».

Таблица 5

Уровень образования респондентов авторского исследования, %

Группа деятелей	Неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Два высших, кандидат или доктор наук
Общественные активисты	0	3,5	2,1	39,2	47,5	7,7
Политические активисты	1,1	6,6	3,9	40,3	42	6,1
Политические лидеры	0,9	1,9	2,8	29,6	53,7	11,1

Однако необходимо сделать оговорку, что основная доля респондентов авторского исследования (64,5 %) — это молодежь в возрасте от 18 до 22 лет, то есть учащаяся молодежь. Поэтому было бы логично сравнивать образовательные уровни представителей различных групп активизма с поправкой на возрастную группу респондентов, то есть сравнить респондентов тех возрастных групп, которые в основном уже завершили обучение, — 23 лет и старше (табл. 6).

Таблица 6

**Уровень образования респондентов
авторского исследования и респондентов
по общероссийской репрезентативной выборке старше 22 лет, %**

Группа деятелей	Неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Два высших, кандидат или доктор наук
Общественные активисты	—	—	2,7	8,1	75,7	13,5
Политические активисты	—	3	6,1	16,7	59,1	15,1
Политические лидеры	2	—	2	7,8	70,6	17,6
В среднем по России	2,1	13,6	44,6	4	34,8	0,9

Весьма интересные результаты дало нам сравнение образовательного уровня респондентов авторского исследования с общероссийской репрезентативной выборкой. Показательно, что среди россиян в возрасте от 23 до 35 лет более 44 % имеют среднее специальное образование и 34,8 % — высшее, в то время как во всех группах общественно-политического активизма преобладают люди с высшим образованием. Отсюда можно сделать вывод, что молодые общественно-политические деятели обладают высоким уровнем человеческого капитала. Также отметим, что среди общественно-политических деятелей распространено получение второго высшего образования либо ученой степени.

Однако столь значительная разница в образовательном уровне молодых россиян заставляет задуматься о ее причинах. Мы предположили, что данные диспропорции вызваны особенностями выборки. Респонденты авторского исследования — жители преимущественно больших городов, имеющие доступ к Интернету и доверяющие ему (так как согласились принять участие в онлайн-опросе), в то время как общероссийская выборка включила и жителей села, чей образовательный уровень, как правило, ниже, чем уровень образования горожан. И действительно, как видно из таблицы 7, большинство молодых общественно-политических деятелей являются жителями городов с численностью населения свыше 250 тыс. человек, в то время как большая часть их сверстников проживает в средних и малых городах с численностью населения менее 100 тыс. человек, а также значительная часть — в селах (27,9 %). В связи с этим необходимо отметить в целом урбанизированное лицо современной молодежной политики. Доля молодежи, осуществляющей свою деятельность в селах, во всех трех группах общественно-политических деятелей не превышает 5 %.

Таблица 7

Распределение представителей групп общественно-политических деятелей и российской молодежи в целом по типам населенных пунктов, %

Группа деятелей	Города с населением					ПГТ	Село
	> 1 млн чел.	500 тыс. – 1 млн чел.	250–500 тыс. чел.	100–250 тыс. чел.	< 100 тыс. чел.		
Политические лидеры	34,1	17,9	19,8	7,5	11,3	4,7	4,7
Политические активисты	31,1	20,8	14,9	9,9	11,9	6,4	5
Общественные активисты	37,3	25,2	17,6	6,1	6,9	6,1	0,8
В среднем по России	23,5	9,8	2,2	6	19,3	11,3	27,9

Примечательно, что в селах наблюдается хоть и минимальный, но все же определенный уровень собственно политического активизма, в то время как уровень общественной активности там минимален. Это объясняется тем, что в селах действуют различные органы власти (администрации, советы депутатов и т. д.), и поэтому там еще сохраняется некоторая политическая активность. При этом в ситуации недостаточной бюджетной обеспеченности для удовлетворения даже базовых потребностей селян (включая приемлемый уровень зарплат) о финансировании некоммерческих организаций не может идти и речи. Поэтому общественная активность, как и политическая, наиболее распространена преимущественно в крупных городах с численностью населения от 250 тыс. человек и выше.

2. Социально-профессиональная структура групп молодых общественно-политических деятелей.

Статус индивида на рынке труда – важнейший показатель его социального статуса. Однако на сегодняшний день нет каких-либо единых критериев для анализа социально-профессиональной структуры. Наиболее известными моделями анализа являются неовеберовская модель классового анализа Д. Голдторпа [12] и неомарксистская модель Э. Райта [14]. В основе первой лежит понимание классов как различных жизненных шансов на рынке, в основе второй – отношения эксплуатации, господства и присвоения.

Не углубляясь в анализ обеих моделей отметим, что в чистом виде обе они могут не вполне адекватно отражать российскую действительность, поэтому мы будем применять наиболее адекватные российской действительности схемы, присущие как неовеберовству, так и неомарксизму.

Анализ профессионального статуса проводился среди молодежи 23 лет и выше (рис. 1).

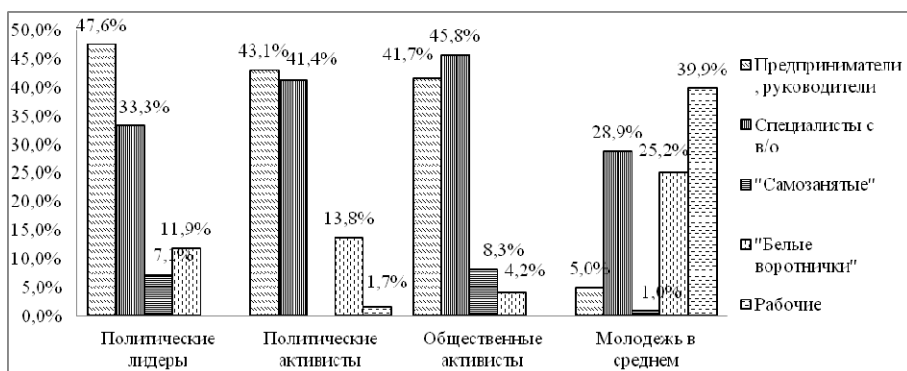

Рис. 1. Профессиональная структура групп общественно-политических деятелей и российской молодежи в целом

В группе «Политические лидеры» преобладают предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители высшего и среднего звена (47,6%), а также специалисты, работающие на должностях, предполагающих наличие высшего образования (33,3%).

Среди «Политических активистов» большую долю составляют предприниматели и руководители (43,1%), а также специалисты с высшим образованием (41,4%). Значительное место в группе занимают «белые воротнички» (13,8%). Необходимо отметить отсутствие самозанятых, что говорит о низком уровне инициативы среди рядовых политических исполнителей и их неготовности идти на риск.

В группе «Общественные активисты» преобладают специалисты с высшим образованием (45,8%) и предприниматели с руководителями (41,7%).

В целом по России в этой возрастной группе (23–35 лет) значительную долю составляют рабочие (39,9%), специалисты с высшим образованием (28,9%) и «белые воротнички» (25,2%).

Таким образом, подавляющее большинство молодых общественно-политических деятелей – это люди умственного труда. Они обгоняют своих сверстников не только по зарплате, но и принадлежат к более престижным профессиям и занимают более высокие должности.

Далее охарактеризуем организации, в которых работают общественно-политические деятели (рис. 2). Анализ также проводился среди молодых людей 23 лет и старше.

«Политические лидеры» в основном трудоустроены в частных коммерческих компаниях (31%) и бюджетных организациях (26,2%). Сравнительно низка доля тех, кто работает на государственной службе (7,1%). Это может объясняться тем, что законодательством установлены множественные ограничения по участию в политических кампаниях и политической деятельности для государственных служащих и служащих в органах местного самоуправления.

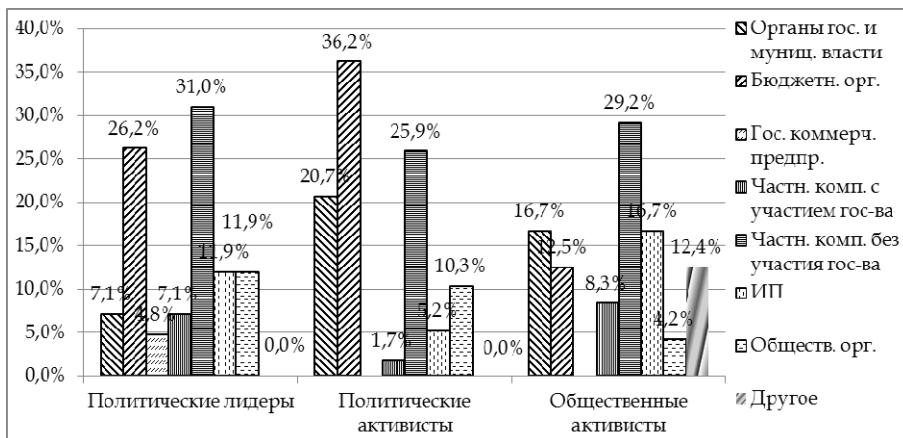

Рис. 2. Распределение молодых общественно-политических деятелей по видам организаций

Среди «Политических активистов», напротив, более 20 % — государственные или муниципальные служащие. Можно предположить, что это как раз те функционеры и организаторы, которые создают среду для политической деятельности молодежи, но не проявляют «чрезмерной» политической активности как лидеры. Высока в группе доля работников бюджетных учреждений — 25,9 %.

«Общественники», наоборот, отдают предпочтение работе в частных компаниях (29,2 %), а также работе на себя (16,7 %). Таким образом, можно предположить, что члены группы «Общественные активисты» — это либо молодые люди, обслуживающие бюджеты (возможно, как лояльные исполнители по госконтрактам) и для сохранения лояльности участвующие в политике, либо это люди, не связанные с бюджетами, однако имеющие свой бизнес и желающие использовать свои политические «связи» для защиты этого бизнеса.

Стоит отметить, что общественные организации не являются основным местом работы ни для одной из выявленных нами групп. Более того, всего 4,2 % тех, кого мы определили как «Общественные активисты», работают в общественных организациях.

3. Качество рабочих мест.

Далее рассмотрим, есть ли различия в уровне требований к квалификации молодых общественно-политических деятелей и среднестатистического молодого россиянина при занятии ими должностей, принадлежащих к одной социально-профессиональной категории. Этот показатель может выступать индикатором качества рабочих мест.

Как видно из таблицы 8, практически во всех профессиональных группах, кроме специалистов с высшим образованием, наблюдается дифференциация качества рабочих мест.

Таблица 8

**Должностной статус и образовательный уровень
молодых общественно-политических деятелей
и российской молодежи в целом, %**

Образование	Рабочие		«Белые воротнички»		Самозанятые		Специалисты с в/о		Предприниматели, руководители	
	ПД	РФ	ПД	РФ	ПД	РФ	ПД	РФ	ПД	РФ
Неполное среднее	–	1,9	–	5	–	–	2	–	–	–
Общее среднее	–	22,5	7,2	9,9	–	–	2	2,6	–	–
Среднее специальное	100	66,2	21,4	58,3	–	25	2	6,9	1,8	30
Неоконченное высшее	–	3,8	21,4	4	25	25	4,1	3,4	8,9	–
Высшее	–	5,6	50	22,8	50	50	75,6	83,7	73,2	70
Два высших, кандидат или доктор наук	–	–	–	–	25	–	14,3	3,4	16,1	–

Примечание: ПД – политические деятели, РФ – молодежь по России в среднем.

Среди молодежи в среднем по России наиболее распространенным уровнем образования является среднее специальное, в то время как среди общественно-политических деятелей – высшее.

В группе «Предприниматели и руководители» как в целом по России, так и среди молодых общественно-политических деятелей преобладают респонденты с высшим образованием. Однако если смотреть отдельно в среднестатистической выборке по России, выяснится, что 30 % мест в этой профессиональной группе заняты людьми со средним специальным образованием и 70 % – с высшим. При этом политические деятели, относящиеся к данной группе, имеют в 89,3 % случаев одно или два высших образования либо ученую степень. В группе молодежи в среднем по России респонденты с ученой степенью не выявлены.

Наиболее значимы различия в «нижних» профессиональных группах – среди «белых воротничков» и рабочих. В числе первых в общероссийской репрезентативной выборке преобладают респонденты, имеющие среднее специальное образование (58,4 %), на втором месте высшее образование (22,8 %). Среди молодых общественно-политических деятелей данные позиции занимают люди преимущественно с высшим и незаконченным высшим образованием (50 и 21,4 % соответственно).

В группе «Рабочие» все респонденты из выборки по молодым общественно-политическим деятелям имеют среднее специальное образова-

ние. По общероссийской выборке также преобладают люди со средним специальным образованием (66,3%), но кроме них в группе наблюдаются респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием (всего 9,4%), а также общим средним (22,5%). Наличие в группе респондентов с высшим образованием может свидетельствовать как о высоких требованиях к квалификации, то есть высоком качестве рабочих мест, так и о том, что данные молодые люди не нашли достойного применения своему высшему образованию по причине, например, низкого качества последнего.

Подводя итоги, можно сказать, что рабочие места, занимаемые общественно-политическими деятелями, требуют более высокого образовательного уровня, чем рабочие места того же уровня, занимаемые российской молодежью в среднем, то есть молодые общественно-политические деятели имеют возможность занимать рабочие места более высокого качества.

Итак, мы выявили основные показатели обеспеченности молодых общественно-политических деятелей человеческим капиталом. Следующим шагом в проведении исследований может стать анализ их обеспеченности другими видами капиталов (экономическим, социальным, культурным и т. д.), что позволит наиболее полно описать потенциал молодежи, которую привлекает политическая деятельность, а следовательно, и возможные направления развития политической сферы в России.

Список литературы

1. *Бедность и бедные в современной России* / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2014. 304 с.
2. *Бурдьё П.* Формы капитала / пер. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаев // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, №5. С. 60–74.
3. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 122–139.
4. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 4, №3. С. 26.
5. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1996.
6. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7, №3. С. 11–26.
7. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация российского общества: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
8. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
9. *Bourdieu P.* Forms of Capital // *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. / eds. M. Granovetter and R. Swedberg. Boulder, 2001. P. 98–102.
10. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, S.-H. 2)* / ed. R. Kreckel. Goettingen, 1983. S. 183–198.
11. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95–120.
12. *Goldthorpe J.H. et al.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1987.

13. *Grusky D. B.* The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / ed. by D. B. Grusky. Boudler, 2001. P. 3–39.

14. *Wright E. O.* Class, Structure and Income Determination. N. Y. 1979.

Об авторе

Вардан Меружанович Барсегян — асп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва.

E-mail: barsegyan.vardan@gmail.com

About the author

Vardan Barsegyan, PhD student, National Research University «Higher School of Economics», Moscow.

E-mail: barsegyan.vardan@gmail.com